

Михайло Казарятин

Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя
Выезжал удалый добрый молодец,
Молодой Михайло Казарятин,
И Казары — попа церкви соборныя.
Под ним добрый конь, как бы лютый зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою да однозолотною.
Сам на нем, как сокол, сидит.
Вывозил он с собой триста стрел,
И каждая стрела стоит по три тмы,
Что по три тмы, по три тысячи.
Не тем-то те стрелки были дороги,
Потому стрелки были дороги —
Кабы строганы стрелки из кипарис-древа:
Кипарис-древо здесь не водится,
Здесь не водится, оно не плодится,
Оно плодится за Ефрат-рекой.
Да не тем стрелки были дороги,
Да перо было тагулиное:
Тагула-птица здесь не водится,
Здесь не водится, здесь не плодится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Клеены те стрелочки китом-рыбой,
А кита-рыба здесь не водится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Да не тем те стрелки были дороги:
Он-де днем стрелят — по ночам сбирают,
Где стрела стоит, — тут свеча горит,
Свеча горит да воску ярого.
Бежит Михайло чистым полем,
Во чистом поле стоит част ракитов куст,
На кусте сидит пташка вешшая,
Пташка вешшая, знать, перелетная,
Перелетна пташка — млад черной ворон.

И берет Михайло свой тугой лук,
Из колчана берет калену стрелу,
Хочет он застрелить пташку вешшую.
Провещует пташка руським языком:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Не стреляй ты меня, пташку вешшую,
Пташку вешшую, знать, перелетную!
Я скажу тебе вестку радостну:
Как у батюшки да у синя моря,
У синя моря да у сыра дуба
Стоит бел шатер да бел полотняный,
Во шатре сидят три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Меж имя сидит девка руськая,
Девка руськая, полоняночка.

Тут Михайло черна ворона послушался,
Едет он ко синю морю,
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко белу шатру.
Подъезжает он к шатру да помалесеньку.
Да первый татарин проговорит:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Девка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам тебя за мила сына замуж!

Вторый татарин проговорит:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам я тебя за племянника,
И будешь ты мне племяненка!

Третий татарин проговорил:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Девка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Возьму тебя за себя замуж,
Будешь ты мне да мила жена!

Тут Михайлу за беду стало,
Сдергивает с них он бел шатер,
И бел шатер да полотняной.

Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Он первого татарина взял — разорвал,
Другого татарина взял — ростоптал,
Третьего татарина взял за ноги,
Бросил его в батюшко в сине море.
И собирал он бел шатер полотняный
И завязывал в тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
Вставал он в стремяшко гольяшное,
И садился в седельшко черкасское,
И садил за себя душу красну девицу,
И везет ее от синя моря,
От синя моря, от сыра дуба.
Сколько ехал удалой добрый молодец,
Сколько ехал по чисту полю,
Одержал он своего добра коня ступисчата.
Слезал он, добрый молодец, со добра коня
И снимат он красну девицу,
И ставит свой бел шатер полотняный,
И стал он с девицей опочев держать.
По белым грудям красну девицу утрепыват,
И плачет красна девица, как река течет,
Сама говорит таковы слова:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Скажи ты мне наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?
Тут-де молодец не слушает,
По белым грудям девицу красну утрепыват.
И плачет красна девица, как река течет,
И возрыдаючи слово молвила:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Скажи ты наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?
И тут молодец ее не слушает,

По белым грудям ее утрепывают.
Тут девица плачет, как река течет:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты скажи мне наперед свою отчину!

И проговорит удалой добрый молодец:
— Я не царь-де, не царевич,
Не король я, не королевич,
И я роду не крестьянского,
И я роду не мещанского,
Я — из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя,
Молодой Михайло Казарятин,
Казары — попа церкви соборныя.

И проговорит красна девица,
Сама плачет, как река течет:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Я сама оттуль, красна девица,
Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатя,
Казары — попа церкви соборныя!

И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скакал он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки
И целует ее во уста сахарные:
— Здравствуй, ты моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!

Собирал он бел шатер полотняный
И завязывал во тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
И вставал в стремяшко гольяшное,
И садился во седлышко черкасское,
Садил он за себя родную сестру,
И везет он ее в свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей ко родимой матушке,
К тому Волынцу, крепку городу,
Ко той Корелы богатя
И к Казары, попу церкви соборныя.
Едут они на улицу на широку,

Ко тому ко терему высокому,
И уведела их родима матушка
Скрозь тое окошечко косящето,
Скрозь тое околенку стеклянную.
И бежит она скоро на красно крыльцо,
Сама плачет, как река течет:
— Ой вы гой еси, мои дети милые,
Из которой вы сторонушки приехали:
То ль с востоку, то ли с западу?

Соскакивал удалой добрый молодец с добра коня,
Подхватывал он матушку под праву руку,
И ведут они ее в светлую светлицу.

(Записал С. И. Гуляев от А. Г. Тупицына (Алтай))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.